



Ведущая
Марина РАЙКИНА

Бритоголовый пацан крадет у матери золотые часы.

Крепкая шея. Кулаки. Нож. Он идет подростку, как самописца отличнику.

На экране он также крут, — с первого дубля раскраивает чай-то череп, стреляет с руки.

Уходит из одного театра. Из другого. Это его мучает больше, чем уходы от женщин.

Ночью он плакал. Ночью никто не видит.

Седой человек несет на руках девушку. Она, как в пене, тонет в кружевах подвенечного платья.

На него сваливается наследство — покосившийся особняк в центре Москвы.

Кадры жизни мелькают, как кадры в кино. Их герой, Александр Пороховицков, не намерен редактировать прошлое. Похоже, что за всю жизнь он так и не научился держать смайл и делать хорошую мину при плохой игре. Понравившаяся ему женщина в его глазах без напряжения прочтет "ты — моя", подлец — угрозу жизни.

Наследник по прямой

— Мы, Пороховицковы, из столбовых дворян. (Все Александры Александровичи были. У меня просто грузин один затесался — Барабадзе. Поэтому я Шалвович. Отец бросил нас, мне 3 года было, воспитывал отчим). Дед был конструктором. В 1915-м он избрал первый в мире вездеход, юркий, обтекаемой формы. Даже фотографии сохранились. В Риге, в музее мореходства, есть уголок изобретателя Пороховицкова. Обидно только, что за границей.

Прадед три завода в Питере имел. Меценатствовал. "Славянский базар" построил и в возведении храма Христа Спасителя участвовал как вкладчик и как архитектор. Ну а в 17-м году, когда он услышал выстрелы на улице и слово "революция", приболел. "Погляди Россия", — закрыл глаза и помер. А дедушка принял революцию и даже был одним из первых летчиков в Гатчине. Воевал на стороне Красной Армии.

— У всех дворянских родов есть ле-



Александр Шалвович и Ирочка.

ЦЕНЗУРА

К ПАМЯТИ НЕ ДОПУСКАЕТ

генды. Они есть у Пороховицковых?

— Была такая история. Она связана с дедом. Есть такое поверье среди летчиков: если наденьешь шлем разбившегося авиатора — тоже случится катастрофа. Дед мой был Фома неверующий. Надел шлем погибшего Нестерова, сел в свой моноплан и над Финляндией у него заглох мотор. Прямо на сосны приземлился. Зубы все выбил. Выжил, но в том же году (1941 — М.Р.) его расстреляли. Нам ничего не было известно о его судьбе. И вот, в 1947-м году раздался звонок по телефону. Говорят: "Алло, это папа". Мама (она подошла к телефону подумала, что разыгрывают): "Папа, что, где ты там?" — кричит она. "Мне вопросы задавать не надо. Передай Нине (то есть бабушке), что у меня со ртом все в порядке". Понимаешь, знать об этом могли только близкие: бабушка моя и мама. Фраза как с того света.

— Просто мурашки по коже.

— С тех пор бабушка все время сидела у окошка и все время ждала. Потом она ушла из жизни. Теперь мама каждую ночь плачет. Ждет, когда же папочка придет.

— А кроме мистических историй, вам досталось в наследство что-то материальное: фамильные драгоценности, серебро, картины?

— Были две картины, нарисованные Репиным — прадеда и его сестры. Была картина "Могучая кучка". Говорят, она висит в филармонии. Из вещей ничего не осталось кроме буфета из красного дерева и нескольких стульев (дед приобрел их в Париже на ярмарке). Стол еще вот этот — на 28 персон, а сейчас вдвоем мы сидим. В швейцарских банках вроде бы есть счета. Во всяком случае, я разговаривал с одним крупным меценатом из Италии, который сказал, что состоит в каком-то директорате швейцарского банка и наша фамилия там проходит. "Конечно, все мы вам вернуть не сможем, но кое-что, если заняться этим, вы приобретете". Но я этим заниматься не могу. Сил нет.

— И теперь на вас свалился особняк...

Страсти по "ЧК"

— Когда дедушку забрали, семья уехала в Магнитку, чтобы затеряться. В Москве осталась одна бабушка. Сталин умер и мать на отчима наслас: "Если не вернемся в Москву, Саша бандитом будет". А я жутчайший бандит был. В каком плане? Воспитан был, чтобы меня не обижали.

— А вообще вы были или вас?

— Я вообще никого не бил. Наказывал. У меня много народу было: как свистнешь — 200 человек выходят. Поножовщина — каждый день.

— Трогательные воспоминания, а есть ли среди них такое, за которое вам до сих пор стыдно?

— Стыдно — нет. Могу самое страшное вспомнить. Когда я ослеп и оглох совсем. Мне лет 8 тогда было. И старшая шпана пошла Гортеем грабить. А меня, мелюзгу, поставили на шухере. А тут мороженое кругленькое продавалось, которое я просто обожал. Я купил эту маленькую штучку, стою на шухере, наслаждаюсь... И в это время свистки. Я получаю такой удар, что почти теряю сознание. Ну в общем, проворонил я. А наутро пришли какие-то дяди, посадили меня в телегу и повезли в 13-й участок. А 13-й участок — это место такое было, куда сносили со всего города гадость. Там по насыпи шел поезд, останавливался и опрокидывал ковши. А под насыпью труба, и так как земля осела, в трубу, естественно, уже никакая вода не попадала.

И вот один мне сказал: "Пролезешь туда — жить будешь". Такое наказание придумали, значит. В общем, я полез. Два метра пролез. Жуткий запах, мыши дохлые. Назад уже невозможно двинуться. Я от уюха стал потеть и как будто разбухать. И в этот момент я закричал: "Мама!" С той стороны детиски какие-то копошились, они услышали и позвали рабочих, которые неподалеку что-то ремонтировали. Они мальчика опугали веревками, спустили к трубе, кинули мне петлю и меня выдернули как пробку из бутылки. Первые секунды я ослеп, ничего не видел. Шок! А ухо у меня и так левое не слышало, а тут и правое вовсе оглохло. Я теперь и в сауну не хожу. Задыхаться стал с тех пор.

Антракт

— А воровали?

— Нет. Чего не было, того не было. Один раз только я украл у матери золотые часы. Понес их в подвал дома, чтобы вступить в "ЧК".

— Что-то?

— В "Черную кошку". То, что в кино напридумывали — это все ерунда. Какая-то жалкая воровская шайка изображена. А на самом деле "Черная кошка" была солидная организация, в которую входили до и послереволюционные медвежатники, белые офицеры, имевшие связи за кордоном. У них была униформа, чего в картине, кстати, нет. Они ходили, знаешь, в таких шикарных велюровых шляпах, плащах, белых кашне и желтых перчатках. Замечательные штиблеты носили, тройки в полоску и обязательно фикса. Класс! Кошечек рисовали. Мне жутко нравились люди, которые состояли в контрах с существующей властью. А мне было 8 лет. Так вот — эти люди, которым я принес часики, взяли меня за ухо и привели к матери.

— Галина, твой сын украл часы.

Она накормила их борщом. Больше я в подвал не ходил.

Комедию не ломал

— Александр Шалвович, а как с таким вроде бы хулиганским прошлым вас в артисты занесло?

— Артисты — все хулиганы. Если ты не хулиган, никогда артистом не будешь. И чем более человек хулиганистей, тем он более живой, потому что если это начитанный, образованный...

— Значит, если интеллигентный, вроде Смоктуновского, то ничего не выйдет?

— Он шланой был интеллигентной. Я это чувствовал. Ситуации прошлого мне помогают: не нужно ничего придумывать. Мне объяснить тебе это трудно. Пойми, меня воспитала эта среда. Я умею защищаться. Я ни на кого не надеюсь, кроме как на самого себя. Ошибаюсь сам, сам исправляю. И вот сейчас, когда я ощутил в своей профессии одиночество, ложь, лицемерие сотоварищей по искусству... Да если бы у меня не было тренинга того времени, я, может быть, тоже не выдержал, как многие мои товарищи, которые спились, от цирроза печени померли или бросили профессию. Один из них на Ленинградском вокзале при встрече со мной глаза прочтет. Он извозом занимается. А талантливее был многих.

Так вот, я заканчивал Щукинское. Два комика в училище были — Саша Калягин — на дневном и Саша Пороховицков — на вечернем отделении. Меня поэтому в Театр сатиры и пригласили.

— Даже, если я очень напрягусь, мне

Скажем, Любимов меня все время с Володей ставил в очередь играть. Я же не подсихивать его пришел: Володя — это Володя, я — это я. Володя сам мне говорил: "Я никогда большим актером не был. И не надо за меня рассказывать".

Я возню в искусстве вообще не люблю. В человеческих отношениях тоже. Если режиссер будет оскорблять меня, я выброшу его в окно. Я не буду ждать и ходить дрожать, как многие артисты. Чтобы мою судьбу определяли? Никогда!!! А дрожат почему? Нищета. Нищета.

Говорить об этой профессии сегодня стыдно. Я, Мариночка, не могу в театре работать, если я не заработаю на стороне. А приходиться в театр и делать вид, что ты еще "ого-ого", а потом в бабочке и в единственном костюме бежать на тусовку с дармовым шампанским? Это постыдно. Постыдно!

— Мне казалось, что вы в порядке: а) есть работа, б) популярность...

— Все у меня есть, кроме денег. Но я не буду ничего рекламировать. Сдохну, а не буду этого делать. У меня профессия — актер. Это за границей принято, а у нас нет. Когда народные артисты прыгают, кудахчут, кур изображают...тфу...

— А что вы сделаете, если ваша любимая мама заболит, а денег...

— А я шофером пойду. Мешки буду грузить. Я грузил, когда в институте учился. В Театре Вахтангова мебельщи-ком-режиссером работал. Так что... не пропаду.

— Не могу избавиться от ощущений в нашем разговоре, что все то, что происходит сейчас с вами в профессии — сплошная чернуха.

— На всю эту чернуху я кладу один козырь. Знаешь какой? Признание людей, среди которых я живу. Вот что я тебе скажу. Я в Запорожье перед одной бабкой беззубой выступал. Мы приехали фильм показывать, а там все на уборке. Клуб-развалоха, экран рваный и бабка сидит. Она смотрит на меня: "На кой-то ты похож?". Ну тихий ужас. Я поцеловал ее руку: "Мамочка, давайте посидим". И два часа мы с ней проговорили. На прощание она рукой по моему лицу провела: "Деточка, дай Бог тебе счастья". Как крестом осенила. Приятно получить "народного России". Но еще приятнее, когда тебя люди признали.

— А сейчас у вас есть работа?

— Сценарий написал. "Ненормальный" — трагический боевик. Там у меня центральная роль. А на театре сделал "Ревизора", роль Горюхиного.

У меня внутренний дискомфорт с современной режиссурой. Я понимаю, что на сцене можно туалет поставить, выйти, снять штаны и всем как-то сделать. Но ради чего? Что бы в конце из всего этого цветок вырос — я понимаю. Вот задача искусства: чтобы после ужасного и трагического зрителю сказали: "... а все же жить прекрасно". Я свой фильм "Цензура" к памяти не допускаю таким сделал.

И его козырная дама

— Я заставил людей говорить о нашей фамилии. Дед, я думаю, в меня камень не бросит.

— А я думаю, что он на том свете должен упрекнуть вас. Знаете за что? Вы не продолжаете род Пороховицковых.

— Это верно. Я бесконечно люблю детей... Но ведь как странно: я воспитан как семьянин, мечтал, чтобы в доме всегда стоял большой стол, семья садилась, шум, гам стоял и я кого-то катал на спине. Вот это — мое! А у меня ни одного ребенка. Я все думаю, что же это такое: вроде не бесплодный, все как-то в порядке. Но... Что получается: я по положению в этой профессии честным трудом добился всего, чего нужно. Но... я концы с концами еле свожу. А все потому, что я не ворую, не умею воровать и не буду. Я не могу своей матери даже сиделку нанять. Что же я за человек? Если я не могу создать условия для своей матери, то какие условия я для своего ребенка могу создать? Масса моих товарищей так живут. Мне говорят: "Ты не знаешь, как детей растить. Вот мы впятером в комнате живем...". Да я не рожая по этой причине, не хочу своего ребенка загонять в комнату, где собака, я, жена, мама...

Я, конечно, виноват перед своей женой бесконечно. Хотя сейчас, кажется, я скопил небольшие деньги от картин. Домик построим, где мы все и будем жить. Не обязательно мне хоромы, но естественное человеческое бытие — обязательно.



Мама Галя с маленьким Сашей.

— А может быть, Александр Шалвович, всему причиной разборчивость столбового дворянина?

— Ты абсолютно права. От тех женщин, которые были в моей жизни, я не хотел детей. Я ни разу не женился. В первый раз женился на Ирочке месяц назад. У меня такие красотики были! "На колени встану — отдай!" — говорил мне друг об одной. "Да бери". Нет, я не крутой. Я интуитивно чувствовал, что не надо мне с ними быть.

— А чем же Ирочка взяла вас? Безумной красотой?

— Она больше чем красота. Она — одухотворенное создание. В ней мать свою вижу. Она всю свою жизнь положила на меня.

— Мне кажется, история вашего знакомства должна быть необычной?

— Банальная история. В Театре Пушкина я репетировал вожака в "Оптимистической трагедии", а за сценой стояла девочка, костюмер. Губы развеселила, стоит смотрит.

— Сколько тебе лет, Ирочка? — шепотом спрашиваю я.

Оказалось, только-только 16 исполнилось, а мне уже 41. Подсудное дело! Но меня как магнитом к ней притянуло: ножки и доброе начало. Я ее так и называл — сердце на ножках. Я ей ручку поцеловал: "Ирочка, когда ты домой пойдешь?" И никаких салфеток не было. Мы часами проводили в разговорах. Роли, спектакли обсуждали. Очень доброе существо, беззащитное...

— Это тоже легенда семьи Пороховицковых, что вы придумали тест для будущей жены?

— Никакой это не тест. Когда уже совсем девочками называли: "женись", я подводил разговор к тому, что, мол, "вдруг за мной придут, как за дедом. Я более грубый человек, чем он, и начну отстреливаться. Вот, что ты делать будешь?" — спрашивал я ее. "А что ты натворишь?" Все, до свидания. Ира первая сказала: "Подавать патроны буду". И она всю жизнь "подает патроны". Я ей сказал тогда:

— Что бы ни было, Ирочка, я люблю тебя на всю жизнь.

Я не подарок. Масса сложностей в характере. И скажу, что она поняла это. Мне хотелось взарать ее на ручки и укачивать. Я люблю ее как женщину и как ребенка. А знаешь, какая у меня мечта? Я хочу венчаться с ней и, если мне разрешат, я отнесу ее в церковь на руках. Я так перед этой девочкой виноват. Я много боли ей доставил. Хочу повиниться. Как? В подвенечном платье отнести на руках в церковь.

Эпилог

— Мы сидим в шикарном особняке, пострадавшем от времени. Как удалось отбить его?

— Другие тоже спрашивали, "как удалось. Мы тоже хотим свои фамильные дома вернуть". Но дело в том, что они все отбивают частную собственность, хотят вернуть то, что принадлежит предкам. А я не собираюсь ничего возвращать. Дом называется "Дом А.А.Пороховицкова", охраняется государством как памятник архитектуры деревянного зодчества конца XIX — начала XX века. Нашей семье государство дало в аренду для создания музея Пороховицкова. Я — арендатор.

— Вы производите впечатление человека, который ничего не боится. Это так?

— Я никогда об этом не задумывался. Что самое страшное в жизни? Уход из жизни близких людей. Мой уход меня не пугает, потому что я знаю, что смерти как таковой нет. Ну убьют, голову свернут. А то, что внутри — это никуда не денешь. Это мое.